

Текст · 29 октября 2021, 12:56
Алла Константинова, Максим Литаврин,

Всегда холодно, ничего нельзя. Минюст предложил лишить заключенных основных прав на время эпидемий или беспорядков

Ограничения, предложенные Минюстом, смогут ввести, если в регионе, в котором находится колония, объявят чрезвычайное или военное положение, режим повышенной готовности или чрезвычайной ситуации. Второй вариант — это происшествие в самом учреждении ФСИН; Минюст перечисляет следующие сценарии: «Введение ограничительных мероприятий (карантина), захват заложников, совершение теракта, массовые беспорядки, групповые неповиновения осужденных, реальная угроза вооруженного нападения».

Во всех перечисленных выше случаях — кроме карантина — по решению администрации колонии или СИЗО заключенные лишаются практически всех прав, предусмотренных статьями 88-97 уголовно-исполнительного кодекса (УИК). Запрещается покупка еды во внутренних магазинах, отменяются свидания и передачи, аннулируется право на переписку и телефонные разговоры, запрещаются прогулки и ограничивается досуг — телевизор, журналы, книги. Кроме того, вводится «усиленный вариант охраны и надзора», «особый порядок допуска на объекты», изменяется распорядок дня, перестают работать промзона, баня и все другие службы, кроме медицинской.

Условия во время карантина чуть мягче — заключенным запретят только посылки, прогулки, передачи и свидания.

Пока что пояснительная записка к законопроекту не опубликована. Некоторые из предложений Минюста уже работают на практике — например, региональные управления ФСИН или отдельные колонии ограничивают свидания или передачи осужденным, ссылаясь на коронавирус.

«Медиазона» попросила правозащитников прокомментировать инициативу Минюста.

Ирина Бирюкова, адвокат фонда «Общественный вердикт»^[1]

Этот законопроект не просто ставит под угрозу и так очень шаткие и минимальные права осужденных — он эти права нивелирует совсем. Я понимаю, когда права осужденных ограничивают на короткий срок, если объявлено ЧП, военное положение, захват заложников и подобные ситуации, когда возникает реальная опасность жизни для осужденных или сотрудников исправительного учреждения. Но действующее законодательство уже имеет ряд норм, которые регулируют деятельность исправительных учреждений в таких ситуациях. И в данном случае предложенные Минюстом ограничения излишни.

Но ограничение прав в связи с введением карантина — это, на мой взгляд, просто желание воспользоваться нынешней ситуацией и закрыть колонии еще сильнее. Дело в том, что, например, [статья](#) 89 УИК РФ предусматривает не только возможность получения

осужденным свиданий с родственниками и близкими людьми. Эта статья закрепляет и право осужденного на получение юридической помощи.

Обратите внимание, что законопроект предлагает в случае карантина ограничить заключенных в правах с оговорками: например, ограничить права, предусмотренные статьей 90 УИК РФ, но только в части получения передач и посылок (законопроект не запрещает передачу лекарств — МЗ). При этом предусмотрен полный запрет на свидания, в том числе и на встречи с адвокатами, правозащитниками, юристами и представителями ЕСПЧ.

При этом ни адвокаты, ни родственники, ни общественность никак не могут контролировать и проверять законность и необходимость введения такого ограничения.

С учетом того, что сейчас происходит в исправительных колониях, карантин может объявляться, когда этого захочет администрация учреждения. И это очередное средство манипуляций. Например, я не исключаю, а даже предвижу, что будет происходить следующее: есть в колонии осужденный Иванов, который выступает против администрации, борется за свои права и помогает другим, администрация начинает натравливать на него остальных осужденных, говоря, что вот из-за него мы сейчас закроем колонию на карантин, а значит, вы лишитесь свиданий и передач. Виноват во всем этом будет осужденный Иванов. Карантин же объявить, как показывает практика, совсем нетрудно. Гораздо легче, чем военное положение, ЧП и так далее,

поскольку эти действия повлекут за собой внимание руководства и всех надзирающих органов, а карантин — нет.

Сейчас без этого закона колонии справляются с ситуацией с карантином. Где совсем все плохо с эпидемиологической обстановкой, там на некоторое время запрещают длительные свидания, но при этом можно воспользоваться краткосрочным при соблюдении необходимых мер. И осужденный не лишен гарантированного Конституцией права на получение юридической помощи. А сейчас хотят такими методами самую закрытую систему в России сделать еще более закрытой. Я боюсь, что этими действиями можно получить совсем не те последствия, которые предполагаются разработчиками.

Особенно показательно, что срок окончания общественных слушаний выпадает на 8 ноября. То есть, народ у нас отправлен на вынужденные каникулы, а по выходу из них уже будет поздно что-то обсуждать. Это тоже, на мой взгляд, сделано намеренно, при огромном желании как можно тише протащить эту инициативу. Особенно на фоне последних скандалов в системе ФСИН.

Марина Литвинович, правозащитница

С одной стороны, этот законопроект наводит порядок — с точки зрения того, что происходит с режимом повышенной готовности и с карантином. Потому что реально, когда стали [карантины] вводить, то права осужденных стали ограничиваться, и никто не понимал, на основании чего. Потому что в

законе [этого] не было. Теперь на него можно будет ссылаться, если ограничиваются какие-то права людей, которые находятся в местах лишения свободы.

С другой стороны, складывается впечатление, что [во ФСИН] готовятся к бунтам. Возможно, поскольку они очень спешат с принятием этих поправок — если они сейчас быстро это внесут в Госдуму — вполне возможно, что это такая реакция на видео [пыток] из колоний. Потому что мы видим, что после того, как эти записи появились, по меньшей мере, уже в двух колониях произошли бунты — это из того, что мы знаем, может быть, их и больше. Буквально пару дней назад заключенные избили тех людей, которые сотрудничали с администрацией в одной из колоний.

Исправлено 01 ноября в 15:00. Первоначально в лиде утверждалось, что Министерство юстиции внесло этот законопроект в Госдуму. На самом деле, проект закона был опубликован на портале НПА — это шаг, который предшествует внесению. Редакция благодарит коллегу Фариду Рустамову за внимательность, все виновные наказаны.

Редактор: Мария Климова

1. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностраннных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что фонд «Общественный вердикт» внесен Минюстом в «реестр НКО, выполняющих функции иностранного агента».